А.Д. Попова, О.Д. Попова

«БЕЗ СВОБОД МЫ СПОКОЙНЫ ЗА НАШУ ЖИЗНЬ»: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПАТЕРНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ*

A.D. Popova, O.D. Popova

“Without Freedoms We Are Contented with Our Lives”: The Historical Origins of Paternalism in the Russian Mentality

Формирование гражданского общества в России, специфика этого процесса и особая роль в этом процессе российского государства не раз изучались и освещались в исторической литературе. При этом исследователями традиционно подчеркивается, что этот процесс начался позже, чем на западе, и имел половинчатый характер. И это вполне справедливо связывается с особенностями модернизаций в России как российскими[1], так и зарубежными исследователями[2].

В российской истории выделяют несколько периодов, которые характеризуют как модернизации. К ним относят реформы Петра I, эпоху Великих реформ Александра II, преобразования П.А. Столыпина. Реформы Петра I, в частности, привели к установлению в России абсолютизма.

Оформление абсолютизма было вполне закономерным этапом развития многих государств: абсолютизм позволял консолидировать усилия всего общества для решения общенациональных задач. Однако процесс становления российского абсолютизма сильно отличался от аналогичного процесса в западноевропейских странах. Дело даже не в том, что он имел место на полвека позже – особенность российских модернизаций предопределила более активную и значимую роль государства. Кроме того, в период проведения петровской модернизации социальная структура российского общества имела существенную особенность: отсутствовала буржуазия как оформившаяся социальная группа. Наконец, в России весь XVIII в. становление абсолютизма в России и решение задач петровской модернизации сопровождалось усилением крепостной зависимости.

В настоящей статье рассматриваются формы проявления и эволюция патерналистских настроений в российском общественном сознании, их влияние на процесс формирования гражданского общества в России.

В качестве источников послужили архивные документы, прежде всего «письма во власть», то есть обращения людей в различные ор-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130/18).

ганы власти и к руководителям различного ранга с предложениями, просьбами, жалобами и идеями по различным вопросам государственного устройства и экономической жизни. Были использованы письма разных периодов: обращения 1895 г., когда правительство предложило поданным Российской империи высказать соображения о планируемой реформе судебной системы, письма с просьбами и предложения, поступившие в I Государственную думу, письма, направленные советским лидерам в период оттепели 1960-х и перестройки 1980-х гг. Во все эти периоды авторами писем являлись представители различных социальных слоев, имевшие разные уровни образования и материального достатка, разнообразные политические взгляды.

* * *

При формировании патернализма в России в качестве «отца», с одной стороны, выступало государство, а с другой стороны, для зависимой части населения, прежде всего крепостных крестьян, в такой роли выступал и помещик, который должен был управлять своими крестьянами и заботиться о них, решая их насущные проблемы.

Среди российского дворянства находились те, кто и в самом деле стремился проявить отеческую заботу о своих крепостных, даже создавал для них школы и больницы, помогал осваивать более передовые способы ведения хозяйства. Например, князья Голицины, которые открывали в своих деревнях школы и организовывали обучение крестьян различным ремеслам[3]. Однако реализация идеи патернализма зависела от личных качеств дворянина, его моральных устоев и убеждений, а они были весьма разнообразными. В конечном итоге патернализм открывал полный простор для утверждения произвола: отношения между помещиком и крепостными выходили за рамки закона, а точнее – почти не регулировались законом.

В реальной жизни помещичье имение превращалось в замкнутый мирок, где его владелец имел возможность творить все что угодно. Он мог открыть школу или больницу, а мог откровенно издеваться над людьми. Даже свободные люди не были защищены от его произвола. Персонаж романа А.С. Пушкина «Дубровский» помещик Троекуров списан с рязанского помещика Измайлова, который практиковал такую забаву как травля людей медведем. Московскую публику он шокировал, появляясь в окружении гарема из 30 крестьянских девушек[4].

Сцены диких расправ над крестьянами были гораздо более привычными картинами, чем умильные истории благотворительности и отеческой заботы о благополучии крепостных. Произвол помещика пресекался только тогда, когда он принимал вопиющие размеры. Кроме известной Салтычихи, замучившей более 100 человек, можно привести в пример бесчинства касимовского помещика Ерина. В

уголовном деле, которое в конечном итоге было все же возбуждено в 1859 г., приводится целый ряд случаев самого настоящего истязания помещиком своих крепостных. Причем часто это делалось не тайно, а на глазах соседей, знакомых и даже в чужих домах. Так крестьянина Василия Платова, который не смог вовремя выплатить оброк, два часа избивали на кухне в трактире на глазах посетителей[5].

В другом эпизоде помещик избивал пожилого крестьянина, находясь даже не дома, а в гостях, совсем не стесняясь хозяев дома, а те тоже не сразу остановили бесчинство гостя. Наличие свидетелей говорит об ощущении полной безнаказанности у помещика. Скорее всего, он был уверен, что никто не будет заявлять о фактах произвола властям, да так, собственно говоря, так и было. Люди, став свидетелями диких расправ, начинали останавливать произвол только тогда, когда он приобретал вопиющие формы, сопровождался потоком крови в прямом смысле этого слова. Причем никто и не вспоминал о «правах человека» и не заявлял в органы власти об их нарушении, так как в сознании людей таких понятий даже не было, в лучшем случае взывали к милосердию и снисходительности.

Александр II не только отменил крепостное право и безграничную власть над душами, но и провел реформы городского и местного самоуправления, судебную реформу. Эти реформы начали перестройку мировоззрения общества, формируя основы гражданского сознания. Новый суд не просто предоставлял возможность людям защищать права и свободы, а учил это делать это в рамках закона, учил уважать свои права и самому проявлять активность по их защите. Также и земства: они не просто предоставили обществу возможность, преодолев сословные разногласия, улучшить повседневную жизнь людей – они учили азам «парламентских технологий», учили слушать представителей других сословий, выдвигать и отстаивать свои интересы. Тем самым они закладывали основы гражданского сознания.

Однако данный процесс не мог идти быстро. Патернализм и его традиции оставили огромный след в российском сознании. И об этом свидетельствуют различные исторические источники.

В 1895 г. правительство пошло на весьма неординарный шаг. Через «Правительственный вестник» оно обратилось к населению с предложением направлять письма с соображениями относительно возможной реформы судебной системы. Можно предположить, что правительство ожидало увидеть поддержку углубления консервативного курса, который проводился после воцарения Александра III в 1881 г. или, наоборот, было готово вернуться к реформам и искренне желало услышать «глас народа». В любом случае факт остается фактом: подданные активно откликнулись на призыв, и Министерство юстиции собрало большую коллекцию писем с соображениями о судебной власти и направлениях ее реформирования[6], которые затем были подвергнуты бюрократической экспертизе, принятой в

1881–1905 гг. для законопроектов[7].

Эти «письма во власть» писали люди всех социальных слоев: дворяне, крестьяне, представители духовенства, мещане. Их анализ показывает очень пеструю картину взглядов, убеждений и предубеждений. Многие письма свидетельствует, что александровская модернизация и в самом деле начала менять мировоззрение людей, закладывая основы гражданского сознания. В частности, в письмах неоднократно звучало предложение вернуть мировой суд, отказавшись от судебных полномочий земских начальников. Так, коллежский асессор Федор Петрович Леман подчеркивал: «Производство судебного дела земскими начальниками неудобнее быть не может. Было уже сознано правительством, что администрацию и суды смешивать не следует!»[8].

Мещанин Григорий Николаевич Волков был более категоричен: «С заменой мировых судей земскими начальниками средний люд почувствовал стеснение своих гражданских отношений, почувствовал, что, исполняя все предписания закона в отношениях между людьми, он не обеспечен от произвола власти»[9].

Также неоднократно повторялось о необходимости при избрании судей отдать приоритет образовательному цензу, отказавшись от имущественного или хотя бы понизить его. Тот же Леман счел нужным подчеркнуть: «Суд должен быть производим лишь судьями, и судьями получившими образование, а не один лишь имущественный ценз»[10]. Обе эти мысли повторил и другой российский обыватель – Григорий Федорович Карпенко.

Показательным является письмо сельского священника Землянницкого, который высказывает весьма передовое видение принципов деятельности судебной власти. Он не просто доказывает недопустимость отправления правосудия административными лицами, то есть земскими начальниками, считая это источником произвола. Он высказывает убеждение, достойное гражданского сознания: «Необходимо, чтобы каждое взыскание налагалось только в судебном порядке»[11].

Конечно, не все авторы писем были носителями передового мировоззрения. Некоторые отражали очень консервативные взгляды. Например, коллежский советник из Тамбова Вениамин Тимофеевич Миловидов демонстрирует в своем письме весьма неплохое знание истории, особенно античной. Однако свои обширные познания он использует для подтверждения тезиса о вредности состязательного и гласного суда. Именно ораторы, по его мнению, погубили античную Грецию и чуть не погубили современную ему Францию. Россия, вводя состязательный суд, тоже совершила серьезную ошибку: «Не от этого ли происходит такое растление нравов, отсутствие девственности, пьянство, воровство, нерасположение к труду, нищенство, стремление в богадельни? Вследствие этого трудно бывает находить хорошую прислугу и хороших рабочих людей»[12].

Логику автора понять трудно, он сам избегает пояснений, каким образом состязательность правосудия породила нищенство, пьянство, проблемы с прислугой. Однако вывод о необходимых мерах по улучшению судебной части сформулирован им очень четко: «Адвокаты и присяжные уничтожаются как заклятое стародавнее зло»[13].

Эти письма отразили наличие в общественном сознании образа суда и в патерналистской традиции, то есть суд авторами понимался как некая сила, которая по первой жалобе обязательно сама обстоятельно разберется в деле, найдет нужные доказательства и обязательно примет справедливое решение. При этом явно недооценивалась необходимость людей самим проявлять умение совершать грамотные действия по защите своих прав. Не все понимали, что перед судом все равны, то есть каждая сторона – истец и ответчик, обвинение и защита – должны проделывать серьезную работу, чтобы доказать свою позицию суду. В суде не может быть априори правых или априори виноватых. Однако патерналистские традиции создавали образ суда, который уже заранее знает кто прав, а кто нет: «Но философия здесь должна быть одна: делать суд трудным для преступников и ответчиков, как анормальных граждан, не желающих подчиниться государству, а не для граждан обиженных, ищущих правды у суда и платящих государству повинности»[14].

Апофеозом патерналистского образа суда стало предложение одного крестьянина о «ящике для жалоб», который стоит в волостном центре и куда любой желающий может бросить свою жалобу. Знающие люди направят ее в нужную инстанцию, примут все меры для восстановления справедливости: «Ящик не личность. Ни перед никем церемониться не станет, не заставит ждать себя и всяк не стесняясь, не теряя времени, и на аблаката денег опустить собственноручно разрисованное бремя нужды своей и горя и будет ждать резолюции, а получив таковую скажет большое русское Спаси Бог»[15].

Конечно, патерналистский взгляд на суд во многом объяснялся низким уровнем образования крестьян: многим из них и в самом деле было трудно разобраться, куда и с чем следует обращаться.

Анализ писем показывает разнообразие убеждений во всех слоях общества. Прогрессивность или консервативность идей далеко не всегда обуславливались принадлежностью к конкретному сословию или уровню образования. Крестьянин или сельский священник, которые традиционно ассоциируются с невысоким уровнем образования, могли высказать идеи, достойные гражданского общества, при этом продемонстрировать хорошее знание закона, владение юридическими терминами. В то же время письмо от представителя мещанства или дворянства, в котором обильное цитирование философов, ссылки на исторические факты выдавали образованность автора, могло содержать предложения в патерналистском или даже реакционном духе.

Такое многообразие проявилось и в годы Первой русской рево-

люции.

В ходе революции были созданы первая в истории России Конституция (Основные законы) и первый парламент[16]. В адрес Государственной думы и ее депутатов поступало много писем от общественных собраний и отдельных подданных. Многие требовали углубления реформ, решения наболевших вопросов, созыва Учредительного собрания на основе прямых и всеобщих выборов. Требовали даже ликвидации монархии: «Всякий образованный и здравомыслящий человек вполне ясно понимает, что монарх и монархическое, хотя бы и конституционное правление допустимы только для скота, а не для сознательных людей»[17]. Однако были распространены и монархические убеждения: «Самодержавие должно быть непоколебимо и должно остаться навсегда»[18]. Да и общественные взгляды самих депутатов Думы, как и других политических деятелей начала XX в., были весьма «пластичными»[19].

Письма, полученные в Думе, раскрывают причудливые переплетения различных идей и ценностей. У одного из авторов желание свобод накладывалось на крепость верноподданнических убеждений: «Стойте за веру, стойте за царя, стойте за слово, за печать и свободу…»[20]. То есть желаемые свободы ассоциировались и с властью царя, и с полномочиями Думы. Крестьяне в своих письмах и постановлениях сельских сходов нередко высказывали весьма передовые мысли: ликвидировать волостной суд, создать волостные земства, ввести обязательное образование для сельских детей. Однако нередко авторы этих посланий связывали достижение всех этих общественных благ и улучшений исключительно со всемилостиливым соизволением батюшки-цари. Например, крестьяне из села Сомова Нижегородской губернии умоляли: «Великий государь, услышь нас с высоты Престола Твоего. Ты один можешь улучшить наш быт, даровав нам полный надел земли, леса и луга и сложив с нас обременяющие нас налоги… Мы с напряжением ожидаем принятия обещанных мер к охранению полной силы закона, равенства всех перед судом, возможности откровенно объяснять в печати о наших пользах и нуждах и введения мелких земских учреждений. Мы, истинно преданные тебе дети, повергаем к стопам твоим верноподданнические чувства»[21].

Письма свидетельствуют, что разговоры о свободе некоторых людей не только манили, но и пугали, депутатам высказывали и такие претензии: «Вы куете народу свободу, но без свобод мы спокойны за нашу жизнь»[22].

* * *

Годы Советской власти, которая пропагандировала идеи народовластия, но на практике их не реализовывала, не разрушили,

а, скорее, укрепили традиции патернализма в народном сознании. Этому особо способствовала и плановая экономика, которая ставила человека в полную зависимость от государства даже в решении повседневных бытовых вопросов, а также не давала возможности самому проявлять существенную инициативу, в том числе и в плане создания источника личного обогащения, ибо предпринимательская деятельность преследовалась в уголовном порядке. До хрущевской оттепели еще существовало некое подобие частной индивидуальной деятельности: можно было легально шить на дому, чинить обувь. Правда, эта деятельность была скована большим числом ограничений и существовала исключительно по причине невозможности государства наладить нормальную работу сферы услуг.

В период правления Н.С. Хрущева предпринимались шаги к сворачиванию таких видов деятельности, к полной ликвидации «пережитков капитализма», которым не могло быть места «при коммунизме». Наступление начиналось на идеологическом уровне: власть методами пропаганды пыталась внушить обществу негативное отношение к частному предпринимательству, присваивая таким гражданам ярлыки «тунеядец», «спекулянт», «жулик». И такая пропаганда имела успех.

Очень ярко сложившееся отрицательное отношение к любой предпринимательской деятельности демонстрирует обсуждение редакционной статьи «Кто не работает, тот не ест», опубликованной на страницах журнала «Коммунист» в 1960 г. Круг «паразитирующих элементов» общества обозначен в статье широко: «На путь тунеядства встали и те, кто использует для извлечения нетрудовых доходов личную собственность – дачи, индивидуальные автомашины, – а также государственные средства, например, общественный автотранспорт и даже землю»[23]. При этом в статье утверждается, что причина развития таких негативных явлений коренится именно в ослаблении контроля со стороны государства: «Любое проявление бесконтрольности, как показывают факты, используется паразитическими элементами»[24].

Редакция журнала получила множество писем, в которых авторы усиленно клеймили владельцев частных автомобилей, дач, садовых участков. Очень показательно письмо из Новочеркасска от Дмитрия Степановича Верина, который настаивал на необходимости прямого запрета частной торговли: «Мы писали Верховному Совету предложение с просьбой – запретить торговлю частными домами, запретить спекуляцию частными автомашинами, дачами, народной землей. В ответ получили, что Конституция разрешает. Но Конституция принята в 1936 г. и теперь 1960 г. Не время ли пересмотреть Конституцию, разрешающую тунеядство, и спекуляцию, есть частники-миллионеры»[25].

Автор другого письма – житель Кишинева, член КПСС с 1919 г. – настаивал на необходимости жесткого контроля над доходами

граждан: «Необходимо по ленинскому принципу установить размер суммового предела зарплаты и всех видов заработка, которые может иметь отдельный советский гражданин в течение месяца»[26].

В период перестройки обращения граждан в органы власти также были проникнуты настроениями патернализма: от зарождавшейся демократии ждали не создания условий для проявления народной активности в решении социальных и экономических вопросов, а непосредственного решения этих проблем самой властью.

Однако к этому моменту идея патернализма уже перетерпела некую трансформацию: многолетние заверения власти, что она заботится о народе, сформировали в народном сознании убежденность, что государство обязано решать абсолютно все вопросы вплоть до самых мелких. Если в период Первой русской революции от власти ждали решения проблем, но об этом верноподданнически просили, то в период перестройки, об этом не просили, а требовали, причем в очень категорической форме. Народное сознание не ограничивало сферу деятельности депутатов только законотворческой работой: им приписывали все, что можно, даже решение педагогических задач (например, «воспитание нашего народа, особенно молодежи, дать им блага, чтобы они занимались полезным делом и не бегали по поездам и подвалам. Только народные депутаты смогут это сделать»[27]).

Естественно, граждане ждали, что съезд депутатов сразу решит все экономические проблемы в государстве, в том числе и обеспечит народ потребительскими товарами. Вполне типичным было обращение пенсионера А.В. Мусаляна, который высказывал недоумение по поводу отсутствия в повестке дня работы съезда народных депутатов вопросов о нехватке мыла, стирального порошка и школьных тетрадей: «Мы смотрим по телевизору трансляции заседаний, читаем материалы в газетах. Почему о мыле, о тетрадях, о сахаре ни слова?»[28].

Показательно и письмо жителя г. Дубна Московской области Ивана Васильевича Маликова. Он ставит вопрос о возрождении деревни и вполне здраво рассуждает о необходимости благоустройства сельских населенных пунктов и улучшения быта их жителей. Однако его видение участия государственной власти в этом процессе приобретает несколько гипертрофированную форму: «Восстановить укомплектовать или подготовить каждый дом, двор и после этого объявить призыв народу – товарищи, в деревню!»[29].

При этом первые попытки продвижения экономики в сторону рыночных отношений (создание кооперативов, разрешение индивидуальной трудовой деятельности), которые как раз и могли улучшить решение бытовых вопросов и дать способ людям с помощью своей личной инициативы заработать на жизнь, у многих вызывали резко отрицательное отношение: «Кооперативы хуже СПИДа»[30]. Конечно, людей можно понять, поскольку на фоне растущего дефицита самых обычных товаров кооперативы предлагали их за весьма

высокие цены: «Людям жрать нечего, а кооператор за шашлык три шкуры дерет, карман на горе людском набивает»[31].

Так сказывались ментальные установки, которые отрицательно воспринимали частную инициативу в экономике. Отрицательное отношение к кооперативам и индивидуальной трудовой деятельности формировалось под влиянием многолетней привычки считать настоящей работой только организованный труд под контролем государства, которое в свою очередь обязано обеспечить решение всех проблем: «Зачем доверяет государство вести кооперацию (жуликам, тюремщикам и аферистам грабить государство и раздевать простонародие)? Закон о собственности дает возможность бросить работу на заводе, и на своей машине зарабатывать деньги, а завод нуждается в рабочих руках»[32].

В этом плане также показательны и рассуждения граждан о принятии законов и избрании должностных лиц. Граждане надеялись и имели право рассчитывать, что Съезд народных депутатов примет законы, которые помогут преодолеть экономический и политический кризис, будут направлены на улучшение жизни народа и защиту свобод и прав.

Однако предложения граждан о возможных законах также были более чем абстрактные. Так один гражданин требовал «отменить все антинародные законы», а потом добавлял, что «в нашей стране не может быть принят антинародный закон»[33]. Другой выдвигал аналогичное требование: «Срочно создать хорошие гражданские законы, а главное – справедливые. О земле, собственности, налогах, деньгах, ценах»[34] При этом оба автора совершенно не уточняли, что именно должно быть в этих законах, какие конкретно нормы, по их мнению, будут антинародными или, наоборот, нужны народу. Об этом должны были догадаться сами народные избранники. Можно говорить о трансформации патернализма: из верноподданнического он переродился в иждивенческий, когда народ ждет от власти решения даже самых мелочных вопросов, отказываясь проявлять собственную инициативу.

* * *

Однако российский патернализм выражался не только в восприятии государства как всемогущей силы, способной и должной решать все проблемы общества и каждого его члена. Обратной стороной патернализма можно считать преобладание идеи принуждения как наиболее универсального способа решения всех социальных задач. Если государство – отец, решающий проблемы своих «детей», то вполне логично, что оно может использовать принуждение и даже силу по отношению к «детям».

Поэтому насилие вошло в практику российского управления, и склонность к насилию можно считать еще одной ментальной чер-

той российского общественного сознания. Восприятие «палки» как лучшего средства управления в прямом и переносном смысле прочно вошло в сознание россиян. Для исправления тех или иных пороков использовались в первую очередь репрессивные меры, при этом явно недооценивались социальные, просветительские и воспитательные. Неслучайно уголовное право первой половины XIX в. предусматривало обильное число оснований для применения телесных наказаний.

Закон о телесных наказаниях, принятый в 1863 г., резко сузил сферу их применения. Они отменялись в учебных заведениях, сокращалось их применение в армии и в качестве наказания за уголовные преступления. Однако розги могли применяться в волостных судах по отношению к крестьянам. И из сознания людей они как символ принуждения и наказания не могли исчезнуть сразу. Даже некоторые школьные преподаватели испытывали ностальгию по этому средству «воспитания».

В 1885 г. смотритель Ставропольской духовной семинарии (Кавказской епархии) подал в Святейший Синод документ под названием «Соображение», в котором он доказывал необходимость возвращения телесных наказаний. Смотритель был убежден, что «главным побуждением для детей к избежанию проступков служит чувство страха, а когда оно ослабевает, является вольность и разнузданность»[35]. Правда, члены Синода, уже проникшиеся более современными идеями, предложение отвергли[36].

Однако свист розог еще долго воспринимался как олицетворение порядка и дисциплины. В уже указанных письмах, направленных по поводу возможной судебной реформы в 1895 г., призыв исправлять пороки привычными насильственными методами звучал неоднократно. Например, почетный гражданин Григорий Иванович Папков высказывал озабоченность высоким уровнем пьянства и проституции. Меры он предлагал простые: девушкам, оказывающим сексуальные услуги, запретить гулять по улицам (не уточняя при этом, как он собирается отличать «гулящих» от обычных барышень), а «тех, кто пьет и ругается на улице, отправлять в участок для составления протокола и наказывать потом розгами 25-30 ударами». Конокрадов после третьей судимости он предлагал казнить через повешенье[37].

В другом письме предлагалось вернуться к практике наносить на тело осужденного клеймо[38].

Письмо провинциального обывателя из Мценска показывает сложность, мозаичность общественного сознания. Предложения автора письма сочетают прогрессивные идеи с укоренившимися традициями. Так, он предлагал с осужденными в тюрьме проводить воспитательные беседы, выдавать им литературу духовно-нравственного содержания. Конечно, предложение звучит несколько наивно, но в целом видна главная мысль: преступника надо не просто наказывать, а еще и перевоспитывать. Также вполне современно

звучало предложение заменить в некоторых случаях тюремное заключение на общественные работы. Однако автор ратовал и за телесные наказания: «Тюрьма не исправляет человека, поэтому чаще надо наказывать, не тюрьмой, а розгами»[39].

Традиция насилия ярко проявилась в XX в. Гражданская война, продразверстка, коллективизация – все эти страницы пронизаны принуждением, насилием и жестокостью. Особо следует оговорить один важный момент. При описании сцен насильственных действий представителей власти (порой имеющих изуверский характер) в литературе всегда выделяются две стороны: носители насилия и пострадавшие. Насилие идет от власти, а пострадавшими являются народные массы. Однако для первых лет Советской власти, как и для «Великого перелома» 1930-х гг. водораздел «власть-народ» имеет очень условный характер. Власть в этот период – вчерашние рабочие и крестьяне. Поэтому и низы, и верхи были носителями единых ментальных традиций и установок. Поэтому не удивительно, что требования использовать насилие активно шли и от самого народа. Применить радикальные методы к различным «социально чуждым элементам» – кулакам, духовенству, просто к «несознательным гражданам» – активно звучали в письмах, направляемых советским вождям в годы Гражданской войны и «Великого перелома».

Так, неизвестные рабочие в своем письме отреагировали на кампанию против троцкистов очень просто, но образно: «Их здесь защищают, но мы их казним. Мы понимаем, всех надо убивать, кто идет, говорит даже против Сталина, всем в глотки и другие места надо забить колья»[40].

Хрущевская оттепель, безусловно, смягчила прежние представления о насилии, но, тем не менее, они не были полностью преодолены. При этом народ оценивал высшую власть, с одной стороны, как источник насилия, а, с другой стороны, как единственный механизм, который может решить все проблемы общества. Типичным сюжетом для многих писем, в которых граждане жаловались на свои проблемы, содержалась надежда, что только вмешательство первого лица государства решит все вопросы. Например, рабочие из Омска в октябре 1961 г. требовали приезда Хрущева: «Если Вы не приедете и не восстановите нормальное положение дел в городе с продуктами, в первых числах октября в городе вспыхнет разногласие. В нем будет участвовать 145 тыс. человек. Жители срочно требуют Вашего приезда»[41].

Когда дефицит продуктов питания и падение жизненного уровня во второй половине 1960-х гг. стали вызывать стойкое недовольство правительством, многие начинали вспоминать годы правления Сталина и предлагали применить меры насилия по отношению к партийным и советским чиновникам. Например, пенсионер из Саратова, не понимая, почему на прилавках магазинов нет обуви, хотя газеты, радио и телевидение рапортовали о выполнении народнохо-

зяйственного плана на 1967 г. за 9 месяцев, объяснял это обманом чиновников и предлагал их наказывать: «За такое очковтирательство при покойном И.В. Сталине (которого я до сих пор чту и люблю, несмотря на его ошибки) многие были бы отправлены туда, куда Макар телят не гоняет. А теперь допустили шибко "де-мо-крат-ти-ю", т.е. каждому позволено: "Ври Емеля, твоя неделя". Не нравится все это, не по душе»[42].

В период горбачевской перестройки идея насилия ярко проявилась в сознании людей. Письма людей 1980-х гг. изобилуют требованиями наказать виновных в самых различных бедах (дефиците, росте преступности, более свободном обсуждении проблем общества). Например, весьма типичной является фраза: «Принять более жесткие законы и повышенные наказания за припрятывание товаров, а также за появление в общественном месте в нетрезвом виде»[43]. При этом в выражениях не стеснялись, активно использовали обороты «усилить ответственность», «повысить штрафы», «судить»[44].

Казнить, причем публично, были готовы и в конце XX в. Например, один гражданин детально перечисляя, что именно вызывает его недовольство М.С. Горбачевым, делал весьма категоричный вывод: «…Его и его банду судить, Горбачева казнить, казнить двумя паяльными лампами»[45]. Последняя фраза особенно показательна: уже указанная трансформация патернализма из верноподданнического в иждивенческий привела к том, что возможное насилие были готовы повернуть против самой власти, если она не проявит необходимой «отеческой» заботы.

Правда, розги теперь никто не вспоминал, но идея насилия нашла другое воплощение: в образе принудительных тяжелых работ типа лесоповала или сельхозработ. И данная мера в сознании людей предназначалась не только для совершивших тяжкие преступления. Она универсально рекомендовалась и в отношении кооператоров, и номенклатурных работников, и музыкантов, олицетворявших модные течения, и даже ученых-историков: «70 лет писали историю, а фактически у нас ее нет. Так лучше бы они картошку выращивали»[46].

* * *

Таким образом, особенности двух веков российской истории –догоняющий характер модернизации, затяжной характер крепостного права с практически неограниченным самоуправством помещиков и особенности советского строя – сформировали такую яркую черту общественного сознания как патернализм. В каждом историческом периоде были свои специфические моменты, повлиявшие на закрепление этой черты общественного сознания. Соответственно, в разные исторические периоды идея патернализма несколько трансформировалась из верноподданнического в иждивенческий.

Если первоначально подданные робко и в самых верноподданнических выражениях умоляли власть услышать просьбы народа, то постепенно просьбы приобрели характер требований.

Однако это все равно не является партнерским и равноправным диалогом. Народ просил не создать условия для решения проблем, а решить их, включая самые мелкие вопросы повседневной жизни, тем самым занимая потребительскую позицию. В результате оформлялся особый тип патернализма – агрессивный[47].

Агрессия шла с двух сторон, снизу и сверху, олицетворяя и порождая еще одну черту ментальных установок россиян – склонность к насилию, восприятие принуждения как универсального способа решения всех проблем и задач. Это не могло не замедлить формирование представлений у людей об имеющихся у них правах и свободах, о возможностях их защиты.

В результате современное сознание россиян причудливо соединило различные ценности и идеи. Демократические преобразования XIX и начала XX вв. заложили некоторую основу для проникновения в умы людей элементов гражданского сознания. Однако ментальные установки не могут меняться быстро, и традиции патернализма продолжают проявляться и по сей день, вплетаясь красной нитью в неповторимый узор общественных настроений, тормозя формирование партнерских отношений между обществом и государством.

Примечания
Notes

[1] *Козлов С.А.* Аграрная модернизация Центрально-Нечернозёмной России в конце XVIII – начале XX в. (основные этапы) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 20–37; *Поткина И.В.* Феномен российской модернизации: Исследовательские подходы, проблемы правового государства, управления и человеческого капитала // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. Т. 41-1. Вып. 3-1. С. 882–889; *Лысенко Ю.А., Демчик Е.В., Анисимова Е.В., Бочкарева И.Б.* Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания 1916 г. в центральноазиатских окраинах России // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. Т. 43. Вып. 1. С. 317–326; *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830 – 1890-е годы). Москва, 2011.

[2] *Morrissey S.* Patriarchy on Trial: Suicide, Discipline, and Governance in Imperial Russia // The Journal of Modern History. 2003. Vol. 75. No. 1. P. 23–58; *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington (Indiana): Indiana University Press, 2004; *Tikhomirov A.* The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917 – 1941 // The Slavonic and East European Review. 2013. Vol. 91. No. 1. P. 78–118; *Tikhomirov A*. The

State as a Family: Speaking Kinship, Being Soviet and Reinventing Tradition in the USSR // Journal of Modern European History. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 395–418.

[3] *Горянов А.В.* Патернализм как одна из основ существования сельской дворянской усадьбы в России в XVIII – XIX вв. // Власть. 2011. № 4. С. 115.

[4] *Попов И.П.* Очерки истории культуры Рязанского края (XV – XX вв.). Москва, 1994. С. 67.

[5] Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 725. Оп. 1. Д. 1012. Л. 269.

[6] *Попова А.Д.* Ценности Октября в ментальных установках россиян и их место в современном общественном сознании // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 80–91.

[7] *Соловьев К.А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. Москва, 2017. С. 205–212; *Соловьев К.А.* Бюрократия versus бюрократия: Парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX веков // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 113–121.

[8] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 515. Д. 9. Л. 62.

[9] РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 10. Л. 28.

[10] РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 9. Л. 63.

[11] РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 10. Л. 20об.

[12] Там же. Л. 65об.

[13] Там же. Л. 66об.

[14] РГИА. Ф 1405. Оп. 515. Д. 9. Л. 13.

[15] Там же. Л. 54об.

[16] *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). Москва, 2011. С. 41–50.

[17] РГИА Ф. 1278. Оп. 1 (Созыв 1). Д. 236. Л. 34.

[18] Там же. Л. 111.

[19] *Соловьев К.А.* Избирательные кампании кадетов и их адресат (1906 – 1912) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. № 3 (30). С. 179–187.

[20] РГИА Ф. 1278. Оп. 1 (Созыв 1). Д. 236. Л. 40.

[21] Приговоры и наказы крестьян Центральной Росси 1905 – 1907 гг.: Сборник документов. Москва, 2000. С. 37.

[22] РГИА Ф. 1278. Оп. 1 (Созыв 1). Д. 236. Л. 8об.

[23] Кто не работает, тот не ест // Коммунист. 1960. № 14. С. 14.

[24] Кто не работает, тот не ест // Коммунист. 1960. № 14. С. 17.

[25] Российский архив социально-политический истории (РАСПИ). Ф. 509. Оп. 1. Д. 155. Л. 35об.

[26] РАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 155. Л. 94.

[27] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-664. Оп. 1. Д. 54. Л. 26об.

[28] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 72. Л. 39.

[29] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 70. Л. 73.

[30] Там же. Л. 32об.
[31] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.
[32] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 54. Л. 62.
[33] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.
[34] Там же. Л. 32 об.
[35] РГИА. Ф. 802. Оп. 9 Д. 19. Л. 4.
[36] Там же. Л. 6.
[37] РГИА. Ф 1405. Оп. 515. Д. 9. Л. 19об.
[38] Там же. Л. 390.
[39] РГИА. Ф. 1405. Оп. 515. Д. 10. Л. 180.
[40] Письма во власть, 1928 – 1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. Москва, 2002. С. 311.
[41] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 910. Л. 132.
[42] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 101. Д. 1411. Л. 103.
[43] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 149. Л. 3.
[44] *Попова А.Д.* Ценности Октября в ментальных установках россиян и их место в современном общественном сознании // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 80–91.
[45] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 45. Л. 9об.
[46] ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 49. Л. 42.
[47] *Лубский Р.А.* Патернализм как предмет научного дискурса // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 80.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Попова Анна Дмитриевна – докт. ист. наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
a.d.popova@mail.ru

Попова Ольга Дмитриевна – докт. ист. наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
od-popova@mail.ru

Статья анализирует причины формирования и роль в развитие общества такой особенности российского общественного сознания как патернализм. Авторы использовали в основном архивные источники – письма и обращения жителей России в органы власти и к руководителям различного ранга в разные исторические периоды: Первой русской революции, «Великого перелома» 1930-х гг., хрущевской оттепели и горбачевской перестройки. В статье показано, что отсутствие буржуазии в стране в период становления абсолютизма, устойчивость крепостного права и чрезвычайные полномочия помещиков, советская плановая экономика создали условия для формирования патернализма как особенности ментальности россиян. На многочисленных примерах авторы показывают, что в различные исторические периоды на формирование патернализма влияли разные факторы, которые замедлили формирование представлений у людей о го-

сударстве как партнере, о гражданских правах и свободах, о способах закрепления и защиты этих прав и свобод. Авторы приходят к выводу, что в XX в. произошла трансформация патернализма из верноподданнического в иждивенческий, который выражается в стремлении общества решение даже незначительных вопросов переложить на власть. В статье делается вывод, что в России становление демократических институтов затруднено мозаичностью общественного сознания: ценности гражданского общества и демократического государства переплетаются с историческими традициями патернализма.

Самодержавие, большевистская диктатура, патернализм, крепостное право, плановая экономика, периодическая печать, пропаганда, общественное сознание, менталитет, гражданское общество, историческая модернизация.

References
(Articles from Scientific Journals)

1. Goryanov A.V. Paternalizm kak odna iz osnov sushchestvovaniya selskoy dvoryanskoy usadby v Rossii v XVIII – XIX vv. [Paternalism as One of the Bases of the Existence of the Rural Noble Estate in Russia in the 18th – 19th Centuries.]. *Vlast*, 2011, no. 4, pp. 113–116. (In Russian).

2. Kozlov S.A. Agrarnaya modernizatsiya Tsentralno-Nechernozemnoy Rossii v kontse XVIII – nachale XX v. (osnovnye etapy) [The Agricultural Modernization of Central Non-Black Earth Russia from the Late 18th to the Early 20th Century (Main Stages).]. *Otechestvennaya istoriya*, 2004, no. 2, pp. 20–37. (In Russian).

3. Lubskiy R.A. Paternalizm kak predmet nauchnogo diskursa [Paternalism as a Subject of Scholarly Discourse.]. *Filosofiya prava*, 2012, no. 5 (54), pp. 79–80. (In Russian).

4. Lysenko Yu.A., Demchik E.V., Anisimova E.V., Bochkareva I.B. Modernizatsiya i traditsionalizm skvoz prizmu sobytiy vosstaniya 1916 g. v tsentralnoaziatskikh okrainakh Rossii [Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Uprising in the Central Asian Outskirts of Russia.]. *Bylyye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2017, vol. 43, no. 1, pp. 317–326. (In Russian).

5. Morrissey, Susan. Patriarchy on Trial: Suicide, Discipline, and Governance in Imperial Russia. *The Journal of Modern History*, 2003, vol. 75, no. 1, pp. 23–58. (In English).

6. Popova A.D. Tsennosti Oktyabrya v mentalnykh ustanovkakh rossiyan i ikh mesto v sovremennom obshchestvennom soznanii [The Values of the October Revolution in the Mental Attitudes of Russians and Their Place in Modern Public Consciousness.]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*, 2018, no. 1, pp. 80–91. (In Russian).

7. Potkina I.V. Fenomen rossiyskoy modernizatsii: Issledovatelskiye podkhody, problemy pravovogo gosudarstva, upravleniya i chelovecheskogo kapitala

[The Phenomenon of Russian Modernization: Research Approaches, Problems of the Rule of Law, Administration, and Human Capital.]. *Bylyye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2016, vol. 41-1, no. 3-1, pp. 882–889. (In Russian).

8. Solovyev K.A. Byurokratiya versus byurokratiya: Paradoksy gosudarstvennoy sluzhby v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov [Bureaucracy versus Bureaucracy: The Paradoxes of State Service in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries.]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2017, no. 2 (144), pp. 113–121. (In Russian).

9. Solovyev K.A. Izbiratelnyye kampanii kadetov i ikh adresat (1906 – 1912) [The Election Campaigns of the Kadets and their Constituency (1906 – 1912).]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Istoriya"*, 2015, no. 3 (30), pp. 179–187. (In Russian).

10. Tikhomirov, Alexey. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917 – 1941. *The Slavonic and East European Review*, 2013, vol. 91, no. 1, pp. 78–118. (In English).

11. Tikhomirov, Alexey. The State as a Family: Speaking Kinship, Being Soviet and Reinventing Tradition in the USSR. *Journal of Modern European History*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 395–418. (In English).

(Monographs)

12. Burbank, Jane. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington (Indiana), Indiana University Press, 2004, 375 p. (In English).

13. Khristoforov I.A. Sudba reformy: Russkoye krestyanstvo v pravitelstvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830 – 1890-e gody) [The Fate of a Reform: The Russian Peasantry in Governmental Policy before and after the Abolition of Serfdom (1830 – 1890s).]. Moscow, 2011, 368 p. (In Russian).

14. Popov I.P. Ocherki istorii kultury Ryazanskogo kraya (XV – XX vv.) [Essays on the Cultural History of the Ryazan Region (15th – 20th Centuries).]. Moscow, 1994, p. 67. (In Russian).

15. Solovyev K.A. Zakonodatelnaya i ispolnitelnaya vlast v Rossii: Mekhanizmy vzaimodeystviya (1906 – 1914) [Legislative and Executive Power in Russia: Mechanisms of Interaction (1906 – 1914).]. Moscow, 2011, pp. 41–50. (In Russian).

16. Solovyev K.A. Zakonodatelnaya i ispolnitelnaya vlast v Rossii: Mekhanizmy vzaimodeystviya (1906 – 1914) [Legislative and Executive Power in Russia: Mechanisms of Interaction (1906 – 1914).]. Moscow, 2011, pp. 41–50. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Olga D. Popova – Doctor of History, Professor, Esenin Ryazan State University (Ryazan, Russia)

od-popova@mail.ru

Anna D. Popova – Doctor of History, Professor, Esenin Ryazan State University (Ryazan, Russia)
a.d.popova@mail.ru

The article analyzes the reasons why paternalism as a feature of Russian public consciousness was formed and its role in the development of society. The authors mainly referred to requests written by Russian citizens to different authorities and civil officers of various levels during the following historical periods: the Russian revolution of 1905, "the Great Turn" of the 1930s, the Khrushchev "thaw" and Gorbachev's "perestoika". The article reveals that paternalism as a specific feature of Russian mentality was preconditioned by such factors as the lack of bourgeoisie while Russian autocracy was being established, the persistence of serfdom and landlords' extraordinary powers, and Soviet planned economy. The authors illustrate with numerous examples how in different historical periods paternalism was brought about by various circumstances which made for the delay with which people came to realize their state as a partner, their civil rights and freedoms and the methods of protecting and securing these rights and freedoms. The authors come to the conclusion that the 20th century witnessed the transformation of paternalism from that of loyalty to that of dependency, with even minor problems being shifted to the authorities. The argument goes that the development of democratic institutions in Russia was hampered by the heterogeneity of public consciousness: the values of civil society and democratic state are intertwined with the historical traditions of paternalism.

Russian autocracy, Bolshevik dictatorship, paternalism, serfdom, planned economy, periodical press, propaganda, public consciousness, mentality, civil society, historical modernization.